

Моршихинские бунтари.

Начало волнений приписных крестьян Зауралья относится к 20-м годам 18 века. Они отказывались выходить на заводские работы. В 40-50 годы движение приписных крестьян всё чаще сопровождается вооружёнными столкновениями с заводской администрацией и царскими войсками.

Во второй половине века по всей стране усилилась классовая борьба крестьян против своих угнетателей. Екатерина II писала в своей «записке», что в первые годы её царствования «восстало около двухсот тысяч мужиков», принадлежащих монастырям и заводам. Дальнейшее обострение классовой борьбы было связано с увеличением барщины и оброка, налогового гнёта и других феодальных повинностей.

Наказ приписных крестьян Чубаровской слободы даёт яркое представление о положении этой сословной категории крестьян. Они жаловались, что после приписки их к заводам «хлебопашества против прежнего многое число недопахали, в результате чего пришли в крайнее разорение и скудность и затем подушной в казну доимки на них немалое число». Приписка к заводам вела, таким образом, к уменьшению пашни – главного достояния крестьян.

Как правило, подушная оплата собиралась в большом размере, чем это предусматривалось законом. Так, на приписных крестьян Моршихи в начале 19 века подушная оплата была увеличена на 2 руб.50 коп. Годовой бюджет крестьянского хозяйства в то время вряд ли превышал 8-10 рублей. По рыночным ценам 20-х годов 19 века это была значительная сумма. Пуд ржаной муки стоил 7 коп., фунт говядины 0,5 коп, пуд пшеничной муки 12 коп., воз сена 25 коп., курица 5 коп., десяток яиц 1,5 коп. увеличение суммы подушного оклада делало её выплату весьма обременительной для крестьянского хозяйства.

Интересное исследование жизни приписных крестьян Моршихинской и Кривинской волостей осуществил Евгений Семёнович Селетков, краевед Зауралья, проживавший в Кетовском районе. Совместно с бывшим редактором газеты «Призыв» Анатолием Ефремовичем Кошелевым он подготовил данный материал.

Моршихинские бунтари.

В Тобольском государственном архиве хранится «Дело по рапорту правящего должность Курганского земского исправника об упорстве и непослушании крестьян Маршихинской волости в заработке следующих по приговору уголовной палаты денег», датированное 1810 годом. Возбуждено оно было по указанию «тайного советника, сибирского генерал-губернатора и кавалера Ивана Борисовича Пестеля». А причиной явилось то, что крестьяне, принудительно направленные для работы на Боровлянский казённый винокуренный завод, оказали властям неповиновение.

Что же побудило скромных земледельцев стать 2бунтарями²? Непосильные поборы. С них взималось по 2 рубля подушных, да по 5 рублей 50 копеек оброчных. А со второй половины 1807 года, кроме того, требовалось выплачивать ещё по 2 рубля 50 копеек на «вспоможение заводским работникам» Увеличение платежей сразу на четверть, мягко говоря, было очень ощутимым.

В Маршихинской волости несших дополнительную повинность было 171 «душа» да в Кривинской 32. Один из пунктов доклада министра финансов от 25 марта гласит: «Приписные к заводам крестьяне, состоящие в губерниях Пермской, Тобольской, обязаны за освобождение своё от работ заводских снабдить ...каждого конного работника тремя лошадьми и принадлежащую упряжь и поступающего на заводы рекрута одним домом». Отсюда и внушительная сумма нового сбора.

В жалобе, поданной 30 ноября 1808 года генерал-губернатору поверенными крестьян Маршихинской и Кривинской волостей Овсяновым и Пановым, он назывался «обременительным».

Но в просьбе отменить его крестьянам было решительно отказано. Тобольская казённая палата уведомила, что государственный казначей Голубцов 26 марта 1808 года «на основании Высочайшего его императорского Величества Указа» подписал палате на вспоможение горным заводам отпустить в распоряжение Пермского правления заводов 200 тысяч рублей из денег, предназначавшихся Санкт-Петербургскому статскому казначейству, поэтому они подлежат возврату в казну посредством сборов с крестьян, приписанных к заводам.

Было «повелено взыскивать с каждой «души» установленный сбор до тех пор, пока названная сумма выше, с процентами к тому же, не поступит в казну». По примерному расчёту выплата её должна была завершиться за 13-14 лет, начиная с 1808 года.

По согласованию с Пермским горным правлением от 24 июня 1808 года казённая палата 19 августа вынесла «определения», что в Курганском округе, по данным пятой, последней ревизии, приписанных к заводам 455 «душ». Приписывалось взыскивать с них по 2 рубля 50 копеек, начиная со второй половины 1807 года. (Маршихинская и Кривинская волости входили в Курганский округ).

Курганскому земскому суду 20 февраля 1808 года было указание объявить крестьянам, что их просьбу об освобождении от уплаты нового сбора «уважить не можно», что должны они «непрерывно те деньги вносить в назначенное начальством время».

Когда крестьяне Введенской волости заявили, что денег на пособие горным работникам не имеют, да и вовсе не считают себя обязанными их платить, из казённой палаты земскому суду 5 марта 1809 года поступило новое предписание «внушить» крестьянам, что взыскивание денег неизбежно, а со своей стороны приложить к тому «всевозможные старания». Если же кто-либо из крестьян будет упорствовать, то направлять его в уездный суд.

21 сентября 1809 года Пермское горное правление обратилось в Тобольскую казённую палату с требованием сообщить, сколько ещё числится за крестьянами недоимки. Палата по доставленным ей уездными казначействами ведомостям и счетным выпискам определила к 1809 году недоимку крестьянами Курганского округа в сумме 1621 рубль 25 копеек.

Было дано «строжайшее предписание» уездным властям о взыскании с крестьян подати как оставшиеся за прежние, так и за 1809 год с тем, чтобы «ни малейшей недоимки на 1810 не оставалось, делать это и без послабления» «особо наряженные чиновники» - тюменский уездный судья Голощапов и Ялуторовский стряпчий Данилов учинили следствие крестьянам Маршихинской и Кривинской волостей Курганского округа, проявившим неповиновение.

«Федот Истомин с товарищами», всего 53 человека (не считая Игнатия Щелконогова, который «отлучился» в Тобольск для подачи прошения), отказались от уплаты денег, как и от принудительного выполнения заводских работ. При опросах о причинах невыплаты подати они показали, что раньше жили в Долматовском и Камышловском округах, там и внесли нужную сумму, а теперь, после очередной, пятой ревизии, с них на новом месте взимают деньги повторно.

Крестьяне просили «правлящего должность земского исправника, утятского камисара» Иванова и секретаря Меньщикова дать им копию «определения» казённой палаты о взыскании денег, но их просьба осталась без внимания. По

простоте своей они решили, что указанный в «определении» сбор должен взыскиваться не с них, а только с 451 души – тех приписанных к заводам крестьян, которые переселились на новые места жительства самовольно, уже после пятой ревизии, то есть начиная с 1801 года, поэтому и в рапорте Маршихинского волостного правления ранее сообщалось, что такие крестьяне здесь на учёте не состоят.

Иванов заявил крестьянам, что «если недовольны, то подавали бы апелляционную жалобу и «внесли» б пошлин пятьсот рублей через две недели». Но не оказалось никого посторонних людей, которые бы подтвердили. Сами же крестьяне то, что не подали апелляционной жалобы, объясняли своей бедностью. В конце концов земский суд направил непослушных крестьян на Боровлянский казённый винокурный завод для «зарабатывания» требуемой с них платы.

Но, когда местный пристав Паренов стал посылать их на работу, они отказались это сделать без особого «именного повеления». Пристав посадил крестьян в каталажку, однако они продолжали стоять на своём. На шестой день на завод прибыл исправник Иванов и распорядился привести ему «бунтарей» в контору, где, кроме него, находились оба пристава с приказным и священник села Тебяняцкое Варлаков, а на столе для большей важности было положено «евангелие». Но уговоры снова не подействовали, крестьяне твердили, что ни в чём не повинны и потому не платят денег.

Иванов напомнил об апелляции. Афанасий Хмелёв и другие крестьяне ответили, что ребование исправника - внести 500 рублей пошлины – из-за своей бедности не могли выполнить. На это священник Варлаков при самом Иванове сказал, что пошлины с них следовало всего 12 рублей.

Крестьян опять увели в каталажку, а на второй день вызвали в контору завода вторично. Ничего не добившись, Иванов передал их «на руки» приставам, а сам вышел из конторы, заперев сени. Примерно через час, когда сделалось душно, по настоянию пристава Пареного, оставшемся вместе с караульным в конторе, двери её были «отперты». Крестьяне «без сопротивления и буйства вышли на улицу, стали перед ним, Ивановым, на колени и, поклонившись ему в ноги, просили отпустить их домой или отправить в Тобольск. Исправник вновь принуждал их, но безрезультатно.

«Крестьяне, - объяснял он потом начальству, - с дерзостью заявили, что не повинуются ему, согласятся лучше идти в Нерчинск, нежели платить или отрабатывать подать».

Доведённые до отчаяния, они сломали двери застенка, забрали своих лошадей и уехали, чему не смогла помешать вооружённая стража.

По внушению и растолкованию следователями силы закона трое крестьян (Никифор, Яков и Калистрат Юровских) обязались внести деньги с условием возврата. Если они окажутся правы. Ещё семнадцать крестьян ответили, что уплатят подать только после того, как убедятся в справедливости такого требования. А четверо (Ефим, Филимон, Потап Щелконозовы и Яков Махнёв) заявили, как прежде, что без «особого именного Указа или до получения за рукой Его императорского Величества именного регистрата» требуемых денег платить не будут.

Иванов во взятом у него следователями показании отрицал, что требовал 500 рублей на апелляцию и показал: «Буде Сенат признаёт их виновными за неправильный перенос дела, должны оштрафованы быть и до 500 рублей». Слово же, мол, что деньги нужно вносить за апелляцию наперёд, говорено не было и копии с решения крестьян не требовали.

2 сентября 1810 года курганский земский суд рапортом донёс казённой палате, что наряду с Юровскими «по увещанию и убеждению оного приписные к заводам крестьяне Филат Истомин с товарищами, всего 40 человек, платёж денег, следующих с них в пособие мастеровым и непременно работникам, на себя приняли и впредь оные деньги обязались платить бездоимочно и из них 15 человек внесли по 1811 год за 34 ½ души, всего 301 рубль 87 копеек, отсланы в уездное казначейство. А 25 человек было взято поручительство о взносе денег к 26 августа».

На этот раз говорилось лишь о 43 крестьянах. Об остальных одиннадцати во главе в Михаилом Пановым сказано особо, они до конца остались бунтарями и поплатились за это, очевидно, их ждали места отдалённые.

Другого поверенного крестьянин, Ульяна Овсянова, наказали плетями (получил 40 ударов) и позволили ему остаться на прежнем месте жительства с условием «дабы он впредь ни в какие в общественные советы и поверенные принимаем не был».

Царское самодержавие безжалостно, умело вершило суд да расправу. Но пришло время, когда народ сказал своё веское слово.